

Геррон
восхитительно
циничен, и тексты
его полны
мрачного юмора.

**Бернард
Корнуэлл**

**МИК
ГЕРРОН
ХРОМЫЕ
КОНИ**

Стильно, злободневно, захватывающе. **Guardian**

Оглавление

[Хромые кони](#)

[Часть первая. СЛАУ-БАШНЯ](#)

[Часть вторая. СЛАБУХИ](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

МИК
ГЕРРОН

**ХРОМЫЕ
КОНИ**

Издательство «Иностранка»
Москва

Mick Herron
SLOW HORSES
Copyright © 2010 by Mick Herron
First published in the UK by Constable, an imprint
of Constable & Robinson, in 2010
The right of Mick Herron to be identified
as the author of this work has been asserted
All rights reserved

Перевод с английского Вячеслава Шумова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Геррон М.

Хромые кони : роман / Мик Геррон ; пер. с англ. В. Шумова. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-20621-2

16+

Мика Геррона называли «Джоном Ле Карре нашего времени» и новой надеждой британской литературы, сравнивали с Рэймондом Чандлером и Кингсли Эмисом, Ивлином Во и Грэмом Грином, Элмором Леонардом и Джозефом Хеллером. Герроновские романы — это «смешная, на грани фарса, изумительно циничная карикатура на политиков, функционеров, междоусобную грызню и Большую игру» (*Booklist*), а «хромые кони», они же слабаки из Слау-башни, — это проштрафившиеся контрразведчики, наказанные «за пристрастие к наркотикам, алкоголю или распутству; за интриги и предательство; за недовольство и сомнения; а также за непростительную оплошность». Надзирает над ними Джексон Лэм — «Фальстаф наших дней» (*Sunday Times*) и «один из самых монструозных персонажей в современной литературе» (Бернард Корнуэлл). Но, как известно, бывших «Конторских» не бывает, и каждый слабак, занимаясь бессмысленной канцелярщиной, мечтает оправдаться, вернуться на оперативную работу в Риджентс-Парк. А когда террористы похищают подростка и угрожают отрубить ему голову в прямом эфире на «Ютьюбе», слабаки не собираются сидеть сложа руки...

По первым книгам цикла «Слау-башня» запущен в производство телесериал (два сезона сразу), съемки велись в 2020–2021 гг. Роль Джексона Лэма исполнил Гэри Олдман, также в сериале снялись Джек Лауден, Оливия Кук, Джонатан Прайс, Кристин Скотт Томас, Кристофер Чунг. Постановщиком первого сезона выступил Джеймс Хоуз («Мерлин», «Черное зеркало», «Доктор Кто», «Алиенист», «Воспитанные волками»).

© В. А. Шумов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство ИНОСТРАНКА®

Знаете, мне уже посчастливилось сыграть Джорджа Смайли, и поэтому играть теперь еще и Джексона Лэма в экранизации романов Мика Геррона — в своем роде наследника Ле Карре — это просто потрясающе.

Гэри Олдман

Первая часть эпопеи о МИ-5 и одном из самых монструозных персонажей в современной литературе — Джексоне Лэме. Геррон восхитительно циничен, и тексты его полны мрачного юмора. Я бы до такого просто не додумался.

Бернард Корнуэлл

Мик Геррон — это Джон Ле Карре нашего времени.

Вэл Макдермид

Безупречные диалоги, безукоризненное развитие сюжета.

Иэн Рэнкин

Мик Геррон изумительный писатель, и если вы его еще не читали — обязательно почитайте. Романы о Джексоне Лэме я глотал один за другим и сейчас жду не дождусь продолжения; они остроумны, мрачно смешны и чрезвычайно увлекательны.

Марк Биллингем

Мик Геррон — один из лучших писателей своего поколения.

Стив Кавана

Отточенный слог, безупречно выписанные персонажи и неизменная проникновенность изложения делают цикл романов Геррона самым захватывающим из всего, написанного в этом жанре со времен холодной войны. Он великий юморист среди мастеров шпионского романа, совмещающий невообразимые ситуации с искрометными и смешными диалогами и изящным, остроумным авторским стилем.

The Times

Смешно, стильно, злободневно, захватывающе.

Guardian

По сравнению с язвительным Герроном романы Ле Карре выглядят сусальными сказками. Мало кому удастся превзойти Геррона в остроумии, злободневности, осведомленности и в этом чисто английском умении — прятать самые сокровенные чувства под маской холодной усмешки, прежде чем вдруг врезаться читателю под дых.

Daily Telegraph

Цикл книг Мика Геррона об обитателях Слау-башни тихой сапой занял место среди величайших произведений о жизни сотрудников спецслужб в истории мировой литературы, а грядущая экранизация с участием Гэри Олдмана принесет Геррону и его персонажам всемирную известность.

CrimeReads

Основной движок хитро закрученных книг Геррона, от которых трудно оторваться, — это остроумные, ершистые и афористичные диалоги персонажей. Комизмом эти романы во многом обязаны зоркому авторскому взгляду на то, как оперирует бюрократическая машина и в корпорациях, и в спецслужбах. Атмосфера Слау-башни скорее напоминает мир Дэвида Brenta из сериала «Офис», нежели Джеймса Бонда.

The Associated Press

«Хромые кони» — качественный триллер и смешная, на грани фарса, изумительно циничная карикатура на политиков, функционеров, междоусобную грызню и Большую игру. Совмещая мастерски выписанные диалоги с внезапными остросюжетными сценами, Геррон, подобно Элмору Леонарду, заставляет читателя своих триллеров (жанр, не особо блистающий остроумием со времен Бонда) смеяться и плакать практически одновременно.

Booklist

Мик Геррон прокладывает собственный путь в жанре саспенса. В его произведениях никому не удастся спрятаться под письменным столом.

The New York Times Book Review

Рецензенту нечасто приходится писать: «Ничего подобного вы раньше не читали!» — однако в случае Мика Геррона данный панегирик вполне уместен. Стиль автора уникален для данного жанра: это атмосфера романов Ле Карре, преломленная через призму мрачного юмора Джозефа Хеллера и его «Уловки-22»... мастерское изложение и самобытный юмор.

Financial Times

Романы Мика Геррона — это сатирическая летопись Британии наших дней. С шокирующим злорадством в них начертана траектория развития современного общества.

Economist

Смех с горчинкой и мастерская многоплановость.

Independent

По стилю это напоминает Рэймонда Чандлера, с той лишь разницей, что Геррон держит свои сюжетные линии в куда более крепкой узде, чем это когда-либо удавалось Чандлеру. Его диалоги бесподобны, он мастерски владеет ритмикой подачи — от слова к слову, от фразы к фразе. Его речь создает собственную вселенную, где элементы злого смеха и тоски мешают расположиться слишком комфортно. Как все хорошие прозаики, он сооружает реальность особого, собственного толка и заставляет читателя принять ее.

The Spectator

Самый увлекательный шпионский триллер за многие годы и лучший детективный цикл текущего тысячелетия.

Mail on Sunday

Восхитительно... сарказм в духе Ивлиана Во и Грэма Грина. Джексон Лэм (Фальстаф наших дней) — самый поразительный и неотразимый герой со времен Джека Ричера.

Sunday Times

Стильно и захватывающе.

Washington Post

Славные подвиги, бесславные провалы, разборки, оборачивающиеся налетами, и лихой сюжет, от которого невозможно оторваться.

Esquire

Мастерский триллер... Хитроумный сюжет и живая манера изложения превращают книгу Геррона в первоклассное шоу, в сравнении с которым большинство других произведений в жанре саспенса кажутся бледноватыми и туповатыми. Возможно, на сегодня в английской литературе Геррон — самый эрудированный и самый ушлый создатель триллеров.

Publishers Weekly

Крутой стеб над традиционным романом из жизни агентов британских спецслужб.

Crime Writers' Association

Лучший современный роман о британской разведке.

Daily Express

Мик Геррон, как все великие писатели, непостижимым образом умеет внушить читателю, будто тот — единственный собеседник автора и единственный адресат его откровений. Как Ле Карре, но меньше

мажоров и невероятно смешно. Мик Геррон знает свое дело.

Irish Times

Несомненно один из лучших шпионских романов за последние двадцать лет.

Metro

Обладая способностью поэта подмечать мелочи, инстинктом эстрадного юмориста и пристрастием к сценам насилия, Мик Геррон занимает зияющую нишу, опустевшую с уходом на покой Лена Дейтона.

Daily Telegraph

С восторгом обнаружил, что это лишь первый из целой серии захватывающих романов.

Herald

Очаровательная находка: цикл мятежных романов Мика Геррона о «белых воронах» британской контрразведки.

Big Issue

Геррон вплотную приблизился к весовой категории Грэма Грина.

Daily Mail

Если хотите почитать что-то действительно захватывающее, возьмитесь за цикл романов Мика Геррона о Джексоне Лэме и его шайке разведчиков-отщепенцев, пытающихся вырваться со служебных задворок. Начните с «Хромых коней» и наслаждайтесь дальше.

Observer

Цикл романов Геррона о похождениях профнепригодных контрразведчиков, называемых в профессиональной среде «слабаками», провозглашен самым удивительным открытием в данном жанре с тех пор, как Джордж Смайли убрал свой макинтош в дальний шкаф.

Mail on Sunday

Помимо их восхитительного юмора, произведения Геррона нередко завораживают, часто заставляют задуматься, а порой трогательны и даже вдохновенны.

Sunday Express

Недюжинный рассказчик, Геррон мастерски выстраивает повествование. Язык его местами строг, а местами возвышенно

лиричен. Остросюжетные сцены стремительны, а реплики персонажей смешны, или грубы, или зловещи: у каждого есть собственный голос. Геррон владеет всем литературным инструментарием, и сюжеты его сработаны так ладно, что стыки едва ли можно заметить.

Book and Film Globe

Потрясающе правдивое изображение современной британской политики.

Kingdom Books

Геррон лучше кого бы то ни было описывает трагикомизм повседневного противостояния спецслужб и бюрократического аппарата.

Kirkus Reviews

Геррон примечателен своей способностью точно описывать абсурдные ситуации и внутренние конфликты института спецслужб, действующих в центре очагов напряженности и горячих зонах XXI века.

Los Angeles Review of Books

Писательское мастерство Геррона поражает... Необычайно увлекательное повествование...

CrimeReview.com

Геррон жонглирует штампами шпионского романа и триллера, а его повествование, блестящее язвительными остротами и сатирическими описаниями, достойными Ивлина Во и Кингсли Эмиса, с одинаковой легкостью переходит от напряженных сцен к лирической элегии. Здесь присутствует и интрига, и шпионские страсти, и чисто английский сдержанный юмор, и вульгарные шуточки. Его воображаемая МИ-5 включает в себя зловещие подковерные игры, плещущий через край цинизм, злорадный сарказм и, самое главное, достоверных, пусть и совершенно фантастических, персонажей. Все это щедро сдобрено черным юмором, а внешность и поведение действующих лиц настолько невероятны, что и в любую другую эпоху их сочли бы чрезмерным преувеличением. К счастью (или к великому сожалению, в зависимости от точки зрения), действительность продолжает снабжать автора неисчерпаемыми материалами для последующих романов, и можно только надеяться, что он применит к ним свой особый талант.

The Wall Street Journal

Геррон объединяет героев, места и события в захватывающую смесь, сравнимую с лучшими романами Джона Ле Карре или Лена Дейтона. Прочтешь одну книгу цикла, и сразу же захочется прочесть все остальные.

The Globe and Mail

Цикл романов, включающий в себя все самое привлекательное — острую сатиру, черный юмор, многогранных персонажей и стремительно развивающийся сюжет.

The Cleveland Plain-Dealer

Геррон — тонкий стилист, умело совмещающий ироническую комедию и напряженное остросюжетное повествование.

The Seattle Times

Смешно и увлекательно... триллер, верный духу времени и написанный гораздо лучше многих современных шпионских романов.

St. Louis Post-Dispatch

Искусно балансируя на грани между сатирой и диффамацией, Геррон создает выдуманных персонажей, в которых при желании угадываются черты реально существующих общественных деятелей. Стиль повествования без видимых усилий переходит от высокого к низкому, но больше всего привлекает живость диалогов: сценаристам будущего телесериала почти нечего менять. Геррон пишет с неподражаемым юмором и ловко закручивает сюжет.

Guardian

Завораживающий цикл романов, один из самых изумительных за последнее время, действие которого происходит в основном в Лондоне. Он очаровывает своей абсолютной злободневностью, неприкрытым скептицизмом и в то же время оптимистичным настроением.

The Arts Desk

Для всех, кто интересуется жанром триллера, романы Мика Геррона из цикла «Слау-башня» занимают одну из верхних позиций в рейтинге. Геррон не только прекрасный стилист, но и мастер великолепных комических диалогов.

Literary Review

Будто Филип Ларкин или Алан Беннетт решили взяться за остросюжетный жанр.

Sunday Times

Если бы Слау-башня на Олдерсгейт-стрит существовала на самом деле, то могла бы стать такой же достопримечательностью литературного Лондона, как «Лавка древностей» на Портсмут-стрит.

Evening Standard

Памяти DA, SC, AJ и RL

проистекать

тебе кто люб как светляку свече заблудшей¹

¹ Заключительная строка поэмы Джона Берримена «Дань уважения госпоже Брэдстрит» (1953). — *Здесь и далее примеч. перев.*

Со скаковой дорожки в слабацкое стойло Ривер Картрайт угодил следующим образом.

Утро вторника, время восемь часов двадцать минут. На вокзале Кингс-Кросс было полным-полно тех, кого С. Ч. именовал «другие». «Нестроевой люд, Ривер. Вполне респектабельный род занятий в мирное время». После чего следовало дополнение: «А мирное время закончилось в сентябре четырнадцатого».

Манера изложения С. Ч. заставляла Ривера представлять это числительное как MCMXIV.

Он остановился и сделал вид, что сверяется с наручными часами, — маневр, который выглядит один в один как всамделишная сверка с наручными часами. Его, будто валун посреди течения, омывал поток пассажиров, выражая недовольство цыканьем и раздраженным фырканием. У ближайшего выхода — белесое пятно, откуда пробивался тусклый свет январского утра — застыли словно статуи двое умельцев, с ног до головы в черном и при полном боекомплекте. Нестроевой люд, который с 1914 года всякое повидал, не обращал на них никакого внимания.

Умельцы, прозванные так за то, что умеют довести любое дело до конца, держались на порядочном расстоянии, согласно регламенту.

Объект был в двадцати ярдах перед ним. «Белая футболка под синей рубашкой», — чуть шевеля губами, повторил Ривер. Теперь на предоставленный Пауком костяк ориентировки можно было нанизывать дополнительные данные: мужчина, молодой, ближневосточной наружности, рукава синей рубашки закатаны, черные джинсы новые, топорщатся на сгибах... Кому придет в голову отправиться на подобный

променад в обновке? Он мысленно отложил это наблюдение в сторону: проанализировать позже.

С правого плеча объекта косо свисал рюкзак, выдавая ощутимый груз. К уху тянулся проводок, как у Ривера. Возможно, айпод.

— Подтвердите визуализацию объекта.

Ривер левой рукой коснулся левого уха и тихо сказал в «пуговицу» манжеты: «Подтверждаю».

В главном вестибюле толпились туристы. Судя по расстановке чемоданов, они заняли круговую оборону. Ривер обогнул их, не спуская глаз с объекта, который направлялся к добавочным платформам, откуда уходят электрички на Кембридж и по восточным направлениям.

Как правило, не такие забитые, как идущие на север скоростные поезда.

Перед глазами возникли непрошенные картины: куски покореженного металла усеивают несколько миль вдоль исковерканного полотна, в полосе отчуждения дотлевают кустарник, увешанный мясными ошметками...

«Всегда следует помнить, — говорил С. Ч., — что самое худшее порой все-таки случается».

Последние несколько лет самое худшее случалось все чаще.

Двое из транспортной полиции, стоящие у турникетов, проигнорировали объект, однако заинтересовались Ривером. «Не приближаться, — мысленно предупредил он. — Даже не вздумайте ко мне подойти». Из-за подобных мелочей срываются операции. Сейчас ему не хватало только громких препирательств с полицией или еще чего-нибудь такого, чтобы спугнуть объект.

Полицейские продолжили прерванную беседу.

Ривер взял паузу для мысленной перегруппировки.

Молодой человек по имени Ривер Картрайт был среднего роста, светловолос, бледен с лица, с серыми, иногда задумчивыми глазами, слегка заостренным

носом и маленькой родинкой над верхней губой. В моменты напряженного размышления он морщил лоб, что некоторыми воспринималось как признак растерянности. Сегодня на нем были синие джинсы и темный пиджак. Однако попроси его кто описать свою внешность этим утром, он упомянул бы еще и стрижку. В последнее время он повадился ходить в турецкую цирюльню, где его накоротко остригали ножницами, а затем опаляли уши открытым пламенем. Без предупреждения. Из кресла Ривер вставал отдраенным и прошпаренным, что твой парадный порог. Даже сейчас череп холодило на сквознячке.

Не сводя глаз с объекта в сорока ярдах впереди (а точнее, не сводя глаз с рюкзака), Ривер снова сказал в манжету: «Веду. На дистанции».

Если взрыв в вагоне был наихудшим из вариантов, то вторым худшим был взрыв на платформе. События последнего времени продемонстрировали, что люди наиболее уязвимы по дороге на работу. Не потому, что беззащитней, а просто потому, что их всех много вместе, битком, в замкнутом пространстве.

Ривер не оглядывался, уверенный, что умельцы в черном не отстают.

Слева расположилась череда кофейных и бутербродных киосков, пивная, ларек с пирожками. Справа вытянулся длинный состав. Вдоль платформы, через равные промежутки, группки отъезжающих загружали чемоданы в вагоны, а над ними с балки на балку перронного навеса шумно перелетали голуби. Из громкоговорителя раздалось объявление, и толпа ожидающих в зале, за спиной Ривера, стала набухать и расползаться, расчленяясь на отдельные тела.

На вокзалах всегда присутствует ощущение подспудной, взрывной энергии толпы, ждущей своего часа. Люди — это фрагменты расчлененной толпы. Просто они об этом пока не догадываются.

Объект скрылся в толкотне пассажиров.

Ривер взял левее, и объект снова возник в поле зрения.

Ривер миновал кофейню, и вид сидящей за столиком пары вызвал в уме картинку. Вчера в этот час он был в Ислингтоне. В программу квалификационной аттестации входило составление досье на общественного деятеля. Риверу достался теневой министр культуры, но тот немедленно схватил два микроинсульта и теперь отлеживался в частной клинике в Хартфордшире. Так как процедура привязки резервного объекта, судя по всему, не была прописана в регламенте, Ривер выбрал его по собственному усмотрению и в течение двух дней непрерывно, и не будучи обнаруженным, вел слежку за Леди Ди: офис-спортзал-офис-винотека-офис-дом-кофейня-офис-спортзал... Вывеска кофейни напомнила об этом. В голове зазвучал строгий, одергивающий голос С. Ч.: «Сосредоточься. На задании. Там же. Так?»

Так.

Объект взял влево.

— Поттервиль, — пробормотал Ривер.

Он прошел под эстакадой и тоже повернул налево.

На короткий момент над головой мелькнуло небо — сырое и серое, как тряпка, — и Ривер вышел в боковой вестибюль, от которого отходят девятая, десятая и одиннадцатая платформы. Из стены тут торчала половина багажной тележки: от платформы 93/4 отправлялся Хогвартс-экспресс. Ривер проследовал к выходу на платформы. Объект уже продвигался по десятой.

С этого момента все ускорилося.

На платформе было безлюдно — до отхода следующей электрички оставалось четверть часа. Какой-то тип читал газету на скамейке — вот, пожалуй, и все. Ривер прибавил шаг, сокращая дистанцию. На ходу уловил еле заметный тональный сдвиг в звучании толпы за

спиной; с невнятного ровного гула в приглушенные настороженные говорки, — умельцы все-таки привлекали внимание.

Но объект шел не оглядываясь. Объект продолжал движение, будто хотел добраться до самого дальнего вагона; белая футболка, синяя рубашка, рюкзак и все прочее.

Ривер снова поднес к губам манжету. Произнес в нее: «Захват!» — и побежал.

— Всем лежать!

Тип с газетой вскочил было на ноги, но тут же был сбит с них фигурой в черном:

— Лежать!

Впереди с крыши вагона на платформу спрыгнули еще двое, прямо перед объектом. Он обернулся и увидел Ривера, с вытянутой вперед рукой, взмахами растопыренной ладони приказывающего ему лечь на землю.

Умельцы выкрикивали команды: «Рюкзак! Снять рюкзак!»

— Опустить рюкзак на землю, — сказал Ривер, — и встань на колени.

— Но я ничего...

— Рюкзак на землю!

Объект опустил рюкзак на землю. Рюкзак тут же подхватила чья-то рука. Остальные руки занялись фиксацией объекта: он был распластан и распят на плитках платформы, в то время как рюкзак передали Риверу, который аккуратно поставил его на опустевшую скамейку и расстегнул молнию.

Сверху, из-под стропил навеса, зазвучала система автоматического оповещения: «Инспектору Сэммсу просьба пройти в диспетчерский зал...»

Книги, блокнот формата А4, пенал.

«Инспектору Сэммсу...»

Пластмассовый контейнер, внутри — сэндвич с сыром

и яблоко.

«...просьба пройти...»

Ривер поднял глаза. Губа его скривилась. Довольно спокойно он произнес:

«...в диспетчерский зал».

— Обыщите его.

— Я ничего не делал, ну пожалуйста! — Голос пацана звучал глухо: лицом он воткнулся в платформу, над головой зависли стволы автоматов.

Объект, напомнил себе Ривер. Не пацан. Объект.

«Инспектору Сэмму...»

— Обыскивайте!

Он снова взялся за рюкзак. В пенале — три шариковые ручки и скрепка.

«...просьба пройти...»

— Все чисто.

Ривер бросил пенал на скамейку и перевернул рюкзак вверх дном. Книги, блокнот, заблудший карандаш, пачка карманных салфеток.

«...в диспетчерский зал».

Все это высыпалось на землю. Он потряс рюкзак. В кармашках ничего не было.

— Обыщите снова.

— Все чисто.

«Инспектору Сэмму...»

— Да вырубите уже кто-нибудь эту хрень!..

Он уловил призыв паники в собственном голосе и осекся.

— Все чисто. Сэр.

«...просьба пройти...»

Ривер еще раз тряхнул рюкзак за шкурку и отбросил.

«...в диспетчерский зал».

Один из умельцев стал вполголоса тревожно докладывать что-то в рацию у ворот.

Ривер почувствовал, что из-за оконного стекла вагона на него кто-то глазеет. Не обращая на нее внимания, он

быстро зашагал по платформе.

— Сэр?..

В этом слышалась определенная доля сарказма.

«Инспектору Сэммсу просьба пройти в диспетчерский зал».

Синяя рубашка, белая футболка, думал Ривер.

Или — белая рубашка, синяя футболка?

Он перешел на трусцу. У турникетов наперерез ему двинулся полицейский, но Ривер обогнул его, бросил что-то приказным голосом и со всех ног кинулся назад, к главному вестибюлю.

«Инспектору Сэммсу просьба...» — на этом запись оповещения, адресованная персоналу и являющаяся условным сигналом о нарушении режима безопасности, оборвалась. Вместо нее из динамиков зазвучал живой человеческий голос: «Внимание! В целях обеспечения безопасности вокзал эвакуируется. Пассажирам и персоналу просьба пройти к ближайшему выходу из здания».

До прибытия Псов оставалось максимум три минуты.

Ноги сами несли Ривера к главному вестибюлю, который следовало миновать, пока толпа не стала слишком плотной, — вестибюль быстро заполнялся пассажирами, они выходили со всех платформ, покинув вагоны согласно переданным по громкой связи инструкциям, прервавшим еще не начатые поездки, и в воздухе уже попахивало паникой. Для массовой паники на вокзалах и в аэропортах многого не нужно. Флегматичная невозмутимость англичан, давно ставшая карикатурным стереотипом, на практике зачастую оказывается фикцией.

В ухе затрещала статика.

Из громкоговорителей неслось: «Вокзал временно закрыт. Просьба сохранять спокойствие и пройти к ближайшему выходу из здания».

— Ривер?

— Паук? Ты debil! Ты дал мне не те цвета!
— Что за херня там у вас? Народ прет из каждой...
— Ты сказал «белая футболка под синей рубашкой»!
— Нет, я сказал «синяя футболка под...».
— Сука ты, Паук! — Ривер рывком выдернул из уха динамик.

Он добрался до лестницы, по которой поток пассажиров обычно утекает в метро. Сейчас толпа валила в обратном направлении. В общей атмосфере преобладало раздраженное недовольство, но сквозь него пробивались и нотки страха, и подспудная паника. Многие полагают, что вещи определенного характера случаются только с другими. Многие полагают, что смерть — одна из таких вещей. Оповещение, несущееся из громкоговорителей, ставило эту гипотезу под сомнение.

«Вокзал временно закрыт. Просьба проследовать к ближайшему выходу из здания».

Метро. Кровеносная система города! — осенило Ривера. Не платформа пригородных отправок. Метро.

Он вбурился в толпу эвакуирующихся, не обращая внимания на ее враждебное недовольство. «Пропустите!» Минимальный эффект. «Служба безопасности! Пропустите!» Уже лучше. Толпа не расступилась, но, по крайней мере, перестала сопротивляться его продвижению против своего течения.

Две минуты до Псов. Даже меньше.

У подножия лестницы коридор расширился. Ривер бросился за угол, в просторный кассовый зал метро: билетные автоматы вдоль стен, окошки касс с опущенными шторками — недавно стоявшие к ним очереди уже поглотила людская масса, двигавшаяся прочь отсюда. Толпа здесь начала редеть. Нисходящие эскалаторы замерли; вход на них опутали ленточным

ограждением, для совсем тупых. Из-под земли, с эвакуированных платформ поднимались последние пассажиры.

Дорогу преградил метро-полицейский:

— Глухой, что ли? Не слышишь объявления? Станция эвакуируется.

— Госбезопасность. Платформы зачищены?

— Госбе...

— Платформы зачищены или нет?

— Эвакуация осуществляется.

— Точно?

— Согласно полученной инфор...

— Видеонаблюдение есть?

— Разумеется, у нас...

— Где?

Звуки становились округлей и мягче, под потолком пластались отголоски удаляющейся толпы. На этом фоне все отчетливее и ближе раздавался стук торопливых шагов — тяжелые подошвы по плиткам пола. Псы. На то, чтобы разругнуть ситуацию, времени у Ривера оставалось в обрез.

— Ну же?!

Полицейский сморгнул, однако, уловив не терпящую промедления интонацию (что было несложно), указал себе за спину, на дверь с табличкой «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Когда появился хозяин тяжелых подошв, Ривер был уже внутри.

Глухая, пропахшая жареным беконом каморка напоминала логово вуайериста. Вращающееся кресло перед целой батареей телеэкранов. Экраны регулярно смаргивали, показывая одну и ту же картинку с различных углов: безлюдныe платформы подземки. Словно в нудном научно-фантастическом кино.

Почувствовав затылком сквознячок, Ривер понял, что полицейский вошел следом.

— Где тут какая ветка?

Полицейский указал три группы, по четыре экрана на каждую: Северная, Пикадилли, Виктория. Ривер всматривался в экраны. Каждые пару секунд изображение переключалось с одной камеры на другую.

Из-под земли послышался глухой рокот.

— Это что?

Полицейский смотрел в недоумении.

— Что это, я спрашиваю?!

— Это как бы поезд метро...

— Они ходят?!

— Станция закрыта, — пояснил полицейский, словно растолковывая недоумку, — но движение на линиях продолжается.

— На всех?

— Да. Только тут они не останавливаются.

А этого и не требуется.

— Какой следующий?

— В смысле?

— Следующий поезд! По какой ветке?

— Виктория. Северное направление.

Ривер выскочил за дверь.

На верхней ступеньке короткой лестницы, преграждая выход к вокзалу, стоял низкорослый чернявый человек и что-то говорил в головную гарнитуру. При виде Ривера его тон резко изменился:

— Он здесь.

Но Ривера здесь уже не было. Он перемахнул через турникет, подбежал к ближайшему эскалатору, отщелкнул ленту ограждения и устремился вниз по обездвиженной крутой лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

У подножия эскалатора его встретила тревожная пустота. Снова как в научно-фантастическом кино.

Закрытые станции поезда проходят на минимальной скорости. На безлюдную платформу он выскочил в тот момент, когда состав начал выползать из туннеля,

словно большое неповоротливое животное, смотрящее на Ривера во все глаза. А их у него было немало. Ривер чувствовал на себе взгляд каждой пары этих глаз, заключенных во чреве чудовища, пристально смотрящих на него, в то время как сам он смотрел на платформу, в конце которой, из дальнего выхода, появилась фигура.

Белая рубашка. Синяя футболка.

Ривер побежал.

За спиной тоже кто-то пустился бегом, окликая его на ходу по фамилии, но это было не важно. Ривер бежал наперегонки с поездом. Бежал и выигрывал: он поравнялся с головным вагоном, вырвался вперед. В ушах отдавался мерный и страшный лязг колес, контрапунктом к которому стучал нарастающий страх внутри. Ривер слышал глухие удары кулаков по стеклу. Заметил перекошенное ужасом лицо машиниста, ожидающего, что он вот-вот бросится на рельсы. Но сейчас Риверу было не до чужих страхов, он делал единственное, что мог, — бежал по платформе ровно с этой скоростью.

Фигура впереди (синяя футболка, белая рубашка) тоже делала единственное, что могла.

На окрик не оставалось дыхания. Дыхания оставалось лишь на последний рывок, и у него получилось...

Почти получилось. Почти получилось вырваться вперед.

За спиной снова выкрикнули его фамилию. За спиной состав начал набирать скорость.

Кабина машиниста обогнала его и находилась в пяти ярдах от объекта.

Потому что это и был объект. С самого начала — это и был объект.

Дистанция между ними стремительно сокращалась. Ривер уже мог как следует разглядеть совсем еще юнца. Восемнадцать? Девятнадцать? Черные волосы. Смуглое

лицо. И синяя футболка под белой рубашкой (сука ты, Паук!), которую объект расстегивал, обнажая нательный пояс, нашпигованный...

Состав поравнялся с объектом.

Ривер выбросил вперед руку, словно пытался дотянуться до финишной ленточки.

Сзади замедлили бег, а потом остановились. Кто-то выругался.

Ривер почти успел, он был в полусекунде от объекта.

Но «почти» не считалось.

Объект рванул шнур на поясе.

На этом все и кончилось.

Часть первая
СЛАУ-БАШНЯ

Сначала давайте определимся хотя бы со следующим: Слау-башня не только не расположена в Слау, но и вовсе не башня. Парадная дверь ее прячется в грязной нише между двумя объектами коммерческой недвижимости, в лондонском округе Финсбери, в двух шагах от станции метро «Барбикан». Слева от двери расположилась бывшая газетная лавка, ныне — газетно-бакалейно-алкогольная, где все более значительная часть выручки приходится на доход от проката видеодисков; справа — китайский ресторанчик «Новая империя», с неизменно задернутыми плотными красными шторами. В витрине тут висит бессменное, отпечатанное на машинке и выцветшее в желтизну меню, куда время от времени фломастером вносятся правки. В то время как газетная лавка остается на плаву благодаря диверсификации бизнеса, «Новая империя» заняла осадное положение, выбрав в качестве долгосрочной стратегии выживания перманентное урезывание производственных затрат: блюда из меню регулярно вычеркиваются, словно закрытые поля на игровой карточке лото. Одно из глубоких убеждений Джексона Лэма состоит в том, что в один прекрасный день в меню «Новой империи» не останется ничего, кроме обжаренного с яйцом риса и свинины под кисло-сладким соусом, которые будут подавать за плотными красными шторами втихаря, словно гастрономическая скудость заведения является государственной тайной.

Парадная дверь, как отмечено ранее, прячется в нише. Выкрашенная бог весть когда в черный цвет, дверь основательно заляпана дорожной грязью, а узкое прямоугольное окошко над притолокой никогда не освещается изнутри. Пустая молочная бутылка стоит у порога так давно, что усердиями городских лишайников

срослась с тротуаром. Дверной звонок отсутствует, а щель почтового ящика затянулась как царапина на детской коленке: если бы и пришла какая-то почта (а она никогда не приходила), то она бы лишь потыкалась в лючок, но внутрь так и не проникла. Создавалось впечатление, что дверь бутафорская и единственное ее предназначение — служить санитарной буферной зоной между газетной лавкой и рестораном. И в самом деле, можно целыми днями сидеть на автобусной остановке напротив, но так ни разу и не увидеть, чтобы кто-то воспользовался этой дверью. Однако любому, кто засиживается на остановке напротив, неизменно дают понять, что его присутствие не остается незамеченным. Рядом вдруг присаживается кряжистый детина, скорее всего жующий жвачку. Внешность детины отбивает всякую охоту задерживаться в его компании; все в нем выдает подспудную ненависть, злобу, затаенную так давно, что уже не важно, на ком ее выместить; он так и будет сидеть и смотреть на вас, пока вы не скроетесь из виду.

А вот в газетную лавку то и дело заходят люди. Снаружи, на тротуаре, тоже всегда оживленно: народ неизменно снует туда-сюда. Регулярно проезжает уборочная машина, крутящимися щетками запихивая себе в пасть и окурки, и осколки, и пивные пробки. Два встречных пешехода, пытаюсь разминуться, проделывают знакомую каждому каденцию упреждающих па, зеркально повторяя движения друг друга, но в конце концов благополучно расходятся, избежав коллизии. Говорящая по мобильному телефону дама на ходу бросает взгляд на отражение в витрине. Высоко в небе стрекочет вертолет, передавая радиослушателям информацию о пробках и дорожных работах.

Но среди этой повседневной суеты дверь остается закрытой. Слау-башня возвышается на три этажа вверх

«Новой империи» и газетной лавки, уходя в неприветливое октябрьское небо Финсбери обшарпанными и грязными окнами, которые, однако, не матового стекла. С верхней палубы автобуса, задержавшегося здесь на некоторое время (что, благодаря совместным усилиям светофора и вечно что-то ремонтирующих дорожников вкупе со знаменитой инертностью лондонских автобусов, происходит регулярно), пассажирам открывается вид на комнаты второго этажа, где преобладают желтоватые и серые тона. Поношенная желтизна, обшарпанная серость. Желтизна принадлежит стенам, вернее, тем их участкам, что можно разглядеть за серыми канцелярскими шкафами и за серыми же казенными стеллажами, на которых выстроились изрядно устаревшие справочники: иные завалились навзничь, другие оперлись на товарищей по полке, некоторые пока стоят ровно; призрачность надписей на корешках — результат ежедневного омовения электросветом. Тут же стопки скоросшивателей, кое-как распаханные по стеллажам, а некоторые засунуты вертикально между стоек, одна папка поверх другой; самые верхние нависли косым карнизом, грозя обрушиться. Потолки тоже желты нездоровой желтизной, тут и там подмазанной паутиной. Что касается столов и стульев в комнатах второго этажа, то они сработаны из того же прочного серого металла, что и стеллажи, а возможно, и реквизированы по списанию из того же казенного учреждения — бывшей казармы или административного блока исправительного заведения. На этих стульях не предашься размышлениям, откинувшись на спинку и уставившись в никуда. Да и столы не из тех, которые принято украшать безделушками и фотографиями, дающими представление о личности и характере владельца. Вся обстановка сообщает, что работа, которой тут занимаются, не настолько важна, чтобы

заботиться о комфорте людей, ее выполняющих. От них требуется просто сидеть и заниматься своим делом, не отвлекаясь по возможности ни на что иное. А в конце рабочего дня — покинуть здание через черный ход, не привлекая внимания ни водителей мусороуборочных машин, ни дам с мобильными телефонами.

Обозреть третий этаж с верхней палубы автобуса можно лишь частично, хотя и там просматриваются пожелтевшие от никотина потолки. Но будь наш автобус даже трехэтажный, ничего нового мы бы тут не увидели: комнаты третьего этажа до зевоты похожи на комнаты второго. К тому же информация, предоставляемая позолоченными буквами, выведенными на оконных стеклах третьего этажа, должна сполна удовлетворять праздное любопытство. Надпись гласит: «У. У. Хендерсон, юридические и нотариальные услуги». Порой за витиеватостью засечных литер этого давно неактуального логотипа появляются очертания человеческой фигуры. Фигура безучастно глядит на улицу внизу, словно всматривается в нечто совершенно иное. Чем бы это ни было, оно недолго привлекает внимание фигуры. Проходит секунда-другая, и она исчезает.

Последний этаж здания подобных спектаклей не дает — окна здесь зашторены. Обитатель четвертого этажа явно предпочитает, чтобы внешний мир по возможности меньше напоминал о себе, а шальной луч солнца вдруг не потревожил сумрак внутри. Но и из этого можно извлечь определенные сведения, ибо данный факт указывает на то, что кто бы ни населял данный этаж, он имеет право выбрать себе сумрак, а свободой выбора, как правило, обладает только начальство. Таким образом, Слау-башня (это название не встретить ни в каком официальном документе, ни на вывеске, ни на бланке, ни на счете за коммунальные услуги или в кадастровом свидетельстве, ни на какой визитке, ни в